Текст · 30 мая 2022, 08:34
Ольга Ромашова,

«Делай добро так, чтобы не засекли менты». Тверские волонтеры помогали украинским беженцам — и после обысков уехали из России

По данным ООН, после начала войны Украину были вынуждены покинуть 6,7 млн человек, по меньшей мере 970 тысяч из них оказались в России — многие не по своей воле. Когда власти Тверской области сообщили об открытии нескольких пунктов временного размещения беженцев, местные антивоенные активисты организовали независимую волонтерскую группу. Она просуществовала всего полтора месяца — после обыска по делу о «фейках» про российскую армию троим волонтерам пришлось покинуть Россию.

---

23 мая в тверской санаторий «Бобачевская роща», где региональные власти разместили беженцев из Донбасса, пришли двое сотрудников Следственного комитета. На стойке регистрации они начали задавать вопросы о координаторке Свободного объединения волонтеров (СОВ) Веронике Тимакиной, помогавшей вывезенным в Тверь и область украинцам.

«Мне написали девушки из ПВР (пункта временного размещения), с которыми мы держим связь, что приходил Следственный комитет», — вспоминает Вероника. В голосовых сообщениях[1] беженки из Мариуполя рассказали, что после разговора с администратором следователи пришли к ним в

комнату и стали расспрашивать, агитирует ли Тимакина за какие-либо партии, фотографирует ли украинцев и ведет ли с ними разговоры о политике.

На следующий день независимая группа волонтеров, которую возглавляла Вероника, прекратила работу. «Стало понятно, что Следственный комитет проводит по мне проверку, — рассказала она изданию "Верстка". — Если они захотят, они просто могут надавить на кого-то из беженцев, учитывая, что многие из них в нестабильном положении. На этом фоне мы решили свернуть свою волонтерскую деятельность».

«Привозили умывалки для лица, бальзамы, фрукты». Помощь беженцам

24 февраля 19-летняя студентка Вероника Тимакина вышла с одиночным пикетом с плакатом «Нет войне» в цветах украинского флага к Законодательному собранию Тверской области. В тот день девушку не задержали, однако полицейские переписали ее данные и внесли «в свои списки для дальнейшего эшного[2] пользования», говорит она.

В начале апреля, когда местные власти отчитались о первой прибывшей группе беженцев, преимущественно из Мариуполя, Вероника вместе со знакомыми решила организовать волонтерскую группу.

По словам Тимакиной, изначально они планировали помогать украинцам попасть в страны Европы,

но большинство беженцев от предложения отказывались. «Выехало в Европу в процентном соотношении очень мало людей, потому что на мариупольцев очень сильно действует российская пропаганда, и настроения [уехать] я не встретила», — отмечает Вероника. Одна семья целенаправленно ехала в Россию через Западную Украину, Польшу и Беларусь, вспоминает она.

Кроме того, говорит Тимакина, многие беженцы хотят как можно скорее вернуться в Мариуполь, но пока мало кто решается. «Была женщина, которая нам рассказала, что ее мужа расстреляли из танка и она его похоронила во дворе многоквартирного дома. Там начали работать службы, которые перезахоранивают людей, она хочет вернуться, похоронить его нормально и уехать жить на дачу, потому что квартира полностью сгорела», — рассказывает Вероника.

За полтора месяца работы волонтерам удалось вывезти в Ирландию троих беженцев; еще двум семьям, оставшимся без паспортов, они нашли машину, чтобы те добрались в Европу. Также волонтеры помогли 18-летней девушке из Донецка уехать в Германию.

Тем беженцам, кто пока остается в России, волонтеры помогали составлять списки необходимых вещей, собирали деньги в соцсетях, на которые закупали гуманитарную помощь, принимали технику и вещи в дар и привозили все это в ПВР.

Алена Лакомкина. Фото: личный архив

«Мы закрывали вот эти все дыры. Необходимые вещи нужны были: нижнее белье, еда, медикаменты, — вспоминает 25-летняя волонтерка Алена Лакомкина, бывшая учительница английского языка в тверской школе № 24. — Там была семья с бабушкой, у которой сложно с давлением было, купили им недорогой тонометр на "Авито". Была проблема с чемоданами, с сумками, потому что они налегке выбежали. Были проблемы также с телефонами: у них на границе отобрали их телефоны и вручили им кнопочные с барского плеча с российскими симками. Мы находили бэушные, приносили по одному телефону в семью. Не всем получилось, конечно, но что нашли, то нашли. К нам относились довольно тепло, потому что мы все-таки что-то делали».

«С вещами им [другие организации] помогали, но на какие-то более узкие запросы всем было все равно, — подтверждает 19-летний активист Ивен Соболев. — Они рассказывали, что привозили обувь, она не подходила по размеру и ничего дальше не происходило — "ну, не подошла, не подошла"». Он говорит, что в основном помогал беженцам искать контакты родственников в России, с которыми те потеряли связь.

В их волонтерскую группу входили 20 жителей Твери, еще примерно 30 человек каждые выходные приезжали помогать из Москвы. «Очень много людей,

знакомые знакомых пожертвовали свои вещи. Я полагаю, что в группе было человек 80, которые так или иначе помогли нам», — говорит Тимакина.

«Нас сильно любили за то, что мы привозили умывалки для лица, бальзамы, фрукты, чемоданы, смартфоны. Мы не делали так: "Вам это не надо, умывайтесь мылом, ешьте хлеб, и все будет нормально"», — объясняет девушка.

В Твери помощью беженцам также занимались Красный Крест и местная епархия. Но несмотря на то, что именно они в основном обеспечивали украинцев одеждой, большая часть вещей не была востребована, говорит Вероника: «Там в комнатах свалена куча гуманитарной помощи, одежда, обувь, которую мариупольцы просмотрели, решили, что им это больше не надо, и она просто лежит. Мы ее перебирали и нашли футболки и кружки с Путиным, футболку с *Z*. В остальном весьма сомнительное качество одежды. Что-то хорошее есть, но перебирать это все было мукой».

В епархии, рассказывает Тимакина, с беженцами обращались довольно грубо, и им было тяжело добиться какой-либо поддержки. «10 тысяч рублей [-обещанных[3] Путиным] никому еще не выплатили, а им нужна любая помощь», — добавляет она.

«Просто взяли активных людей, которые остались в Твери». Обыски и отъезд

Рано утром 12 мая к Тимакиной, Лакомкиной и Соболеву пришли силовики. В постановлении, которое «Медиазоне» предоставила Алена Лакомкина, отмечается, что обыск у нее дома прошел в рамках уголовного дела о «фейках»[4]

про российскую армию по мотивам политической, идеологической или религиозной ненависти, которое возбудили 26 апреля.

По версии следствия, в телеграм-канале «Закрой за мной Тверь» в марте и апреле публиковали «фейки» о преступлениях российских военных в Украине. СК называет сведения об убийствах мирных жителей и разрушении украинских городов ложными, потому что они «получены из неофициальных источников» и противоречат брифингам Минобороны. В расследовании принимали участие следователи тверского управления ФСБ. По их данным, Лакомкина помогает вести этот канал и может знать его администраторов. Тимакиной и Соболеву никаких документов не выдали.

На обыске у Тимакиной было четверо силовиков в гражданской одежде, говорит она. «Начали орать, чтобы я отдала им пароли от техники. Я говорю: нет. На меня отец начал орать: "Они все равно взломают, давай пароли". Я: "Нет, не буду давать". Они нашли 50 моих старых антивоенных листовок и сказали: "Вот какое хорошее доказательство". И отец: "Я не мог даже представить себе. Какой кошмар"», — вспоминает она.

Ивен Соболев с начала войны получил два протокола: один — о неповиновении[5] полиции из-за одиночного пикета, второй — о «дискредитации»[6] армии из-за

расклейки стикеров с надписью «Нет войне», перечеркнутой *Z* и бело-сине-белым флагом. 28 марта Центральный суд Твери оштрафовал Соболева на 40 тысяч рублей. Ивен рассказывает, что незадолго до обыска участковый расспрашивал о нем соседей, но тогда молодой человек не придал этому значения.

«Ко мне вломились утром. Сначала звонили в дверь, потом начали ее выламывать. Я [силовику] сказал, что я не могу так быстро завести собак (у меня три собаки), потому что они беспокоятся и очень нервно реагируют на чужих людей. Особенно дворняжка, у нее непростая судьба. Тогда мне сказали, что если собаки будут лаять, они их застрелят», — рассказывает молодой человек. Питомцев заперли в ванной комнате. Соболев отмечает, что силовики «будто специально хотели нанести как можно больший ущерб» — высыпали на пол карточки от настольных игр и конструктор.

«В конце концов после обыска был слой вещей на полу, и по этому слою прыгают собаки», — посмеивается он. Ивен предполагает, что обыск у него проводили сотрудники ФСБ.

Лакомкина говорит, что ранним утром спецназовцы выломали дверь в тамбур, за которой были двери в ее и соседскую квартиры, и ушли. На самом обыске остались двое сотрудников ФСБ, один из которых показал девушке удостоверение на имя Алексея, следовательница и понятые.

Согласно протоколу[7] обыска, к волонтерке действительно приходили сотрудники спецслужбы по фамилии Милов и Левшин. Последний, вероятно,

и представился девушке Алексеем. Он же нашел в шкафу Алены футболку с надписью «Иноагент», значки штаба Навального и визитки «Умного голосования».

«Великолепный, не побоюсь этого слова, Алексей думал, что он какой-то спецагент и пытался втереться ко мне в доверие», — вспоминает девушка. Сотрудник ФСБ настойчиво расспрашивал ее о сотрудничестве со штабом, хотя в постановлении была указана другая причина обыска.

Алена говорит, что в 2017 году она была на встрече с Алексеем Навальным, который приезжал на открытие штаба в Твери, и участвовала во всех митингах до 2022 года. В марте прошлого года она хотела стать волонтеркой штаба, но не успела: организация закрылась из-за обвинений в экстремизме.

Всех троих волонтеров после обысков и допросов в СК отпустили в статусе свидетелей. В течение двух недель после обыска активисты уехали из России.

Трех собак Ивена — Грая, Джоя и Перамогу — взяла на передержку местная зоозащитница. Вероника еще в марте отчислилась из Тверского государственного университета после разговора с деканом факультета иностранных языков и международной коммуникации Ларисой Сапожниковой, отчитавшей ее за антивоенные выступления. Алена в то же время уволилась из школы, где работала с ноября 2021 года, отказавшись рассказывать ученикам о войне по патриотическим методичкам.

Бывшие волонтеры сходятся во мнении, что следственные действия, вероятно, не были напрямую связаны с помощью беженцам. «Может, они для "палки" хотели за что-то зацепиться и кого-то уже посадить по какому-то политическому делу? Я не понимаю, — рассуждает Лакомкина. — Я подозреваю, что просто взяли активных людей, которые остались в Твери. У нас [теперь] не осталось ни активистов, ни защитников, ни юристов. Я сейчас тоже не в России нахожусь, потому что не хочу сесть».

«24 мая девочки делали последний довоз [в гостиницу "Колыба" в Тверской области], — рассказывает бывшая координаторка волонтерской группы Вероника, — они приехали, уговорили ресепшен не записывать их имена и фамилии, потащили вещи, спустились опять на первый этаж и увидели, как мент беседует с хостес, а лицо у нее белое. Девочки не стали доносить остатки вещей, просто ушли как можно быстрее. Это выглядело очень странно. Делай добро, но тайно и так, чтобы тебя не засекли менты».

Она переживает, что теперь в Твери не осталось волонтерских организаций, которые могли бы оказывать беженцам из Украины полноценную помощь: «Никаких инициатив независимых не осталось, им больше никто помогать так не будет».

Редактор: Агата Щеглова

1. Аудиосообщения есть в распоряжении «Медиазоны».
2. Для использования сотрудниками Центра по противодействию экстремизму МВД.
3. 18 февраля президент Владимир Путин поручил выплачивать по 10 тысяч рублей каждому беженцу с Донбасса.
4. Пункт «д» части 2 статьи 207.3 УК. Статья предусматривает до 10 лет колонии.
5. Статья 19.3 КоАП. 24 февраля Соболева задержал лично начальник полиции Твери Евгений Дворянов. При этом суд отказался рассматривать протокол из-за процессуальных нарушений. Определение суда есть в распоряжении «Медиазоны».
6. Статья 20.3.3 КоАП.
7. Документы есть в распоряжении «Медиазоны».